

ФРЕД БЛОК**29 июня 2001 г., Амстердам**

IR Мы встретились в Амстердаме на ежегодной конференции SASE, где Фред должен бы выступить дискуссантом по моему докладу. Однако вследствие организационных неурядиц и передвижек мы оказались в разных секциях. Чтобы его труд не пропал даром, по пути на вечерний прием, пролежавшему вдоль и поперек бесчисленных каналов, он изложил мне основные пункты своей критики (с которой я вынужден был согласиться). Тогда же мы договорились об этом интервью.

* * *

- *Выступая на последней сессии конференции SASE, Вы назвали себя «экономсоциологом, хотя и с некоторыми оговорками». Скажите, а когда это произошло, когда Вы начали обозначать себя именно так? Когда Вы начали читать специальные курсы по экономической социологии?*

- Дело было так. Будучи еще студентом Колумбийского университета, я посещал курс Терренса Хопкинса (думаю, его как раз посещала моя подружка). Он назывался «Социология хозяйств» [Sociology of the Economies]. И Хопкинс читал практически то же, чему его учил Карл Поланьи, еще когда сам Хопкинс в 1950-е гг. был студентом в Колумбийском университете. А свой собственный курс он читал уже где-то в 1966-67 гг. Это было время, когда в американской социологии не было такого понятия, как экономическая социология. Данный курс был откровением, он был чрезвычайно интересен для меня. И примерно с того времени я и стал ощущать себя социологом хозяйств [a sociologist of economies]. Но тогда я не мог выйти на улицу и объявить это во всеуслышание, поскольку никто вокруг этим не занимался. Так что когда я поступил на магистерскую программу, я полагал, что работаю в традиции политической экономии, в общих рамках неомарксизма. Но в этой работе всегда неявно чувствовалось сильное влияние Поланьи, и нестрогое следование неомарксистской теории ощущалось то более, то менее отчетливо.

Моя диссертация была посвящена вопросам источников нарушения международного экономического порядка. Это была осознанная попытка развить выдвинутые в конце 1930-х гг. идеи Поланьи о структуре международных экономических правил. Я пытался показать, каким образом США реконструировали глобальный финансовый порядок во время и после Второй мировой войны. Однако все это я делал, практически не опираясь ни на какую конкретную дисциплину.

- *Как и многие другие в то время. А когда это произошло? Когда экономическая социология получила признание?*

- Думаю, для меня решающую роль сыграл Ричард Сведберг. Я не помню точной даты, но думаю, это было...

- *Начало 1990-х?*

- Нет, это было в 1980-е гг., думаю, даже в начале 1980-х. Он тогда пришел и сказал: «Знаете, ребята, вы должны понимать, что то, чем вы занимаетесь, по сути является экономической социологией». И я подумал: «Прекрасно, мне это подходит». Мне,

пожалуй, больше нравится язык социологии хозяйств, потому что – как и в случае социологии религии – это социология, позволяющая уйти от теоретической схемы, которой придерживаются большинство исследователей-практиков. И в этом смысле «социология хозяйств», кстати, лучше «экономической социологии», поскольку в ее названии есть некоторый оттенок, предполагающий нацеленность на изучение форм хозяйства. Но я смирился с этой лингвистической проблемой и радостно стал сознавать себя экономсоциологом.

Для меня это было очень важное событие, поскольку я всегда ощущал себя маргиналом в этой дисциплине. Чувствовал, что тот тип политэкономии, которым я занимаюсь, – это нечто не вполне законное, не вполне соотносящееся с основным направлением. Так что когда меня, свежеепеченного выпускника, только что защитившего диссертацию и попавшего на рынок труда, спросили: «И о чем же Ваша диссертация?», я ответил: «О том, как заключать и расторгать соглашения, подобные Бреттон-Вудскому соглашению». И знаете, они посмотрели на меня так, будто я свалился с луны...

- Да, зато теперь Вы чувствуете, что стояли у самых истоков.

- Верно. И экономическая социология сделала немислимый шаг, заявив: «Смотрите, основы анализа экономического процесса заложили Маркс, Вебер, Дюркгейм, и вот теперь мы продолжаем эту традицию».

- Вы упомянули, что не вполне отождествляете себя с основным направлением экономической социологии. А как бы Вы определили основное направление (или направления) экономической социологии в настоящее время?

- Ну, вообще-то мне бы не хотелось делать подобные классифицирующие обобщения, поскольку в каком-то смысле это все слишком запутано, и здесь есть самые разные фигуры. А когда принимаешься раскладывать их по полочкам, то волей-неволей упрощаешь и всю сложность их формулировок. Я бы, наверное, сформулировал это следующим образом: одним из самых влиятельных течений в рамках экономической социологии в США является то, что мы называем экономической социологией в бизнес-школах. В этом есть свои положительные и отрицательные стороны. Я имею в виду, что в среде бизнес-школ социологи, находясь в окружении экономистов, финансистов и т.д., всегда ощущают уязвимость своего положения. И здесь для них чрезвычайно важно существование такой дисциплины, как экономическая социология, ибо это дает им возможность сопротивляться узости мышления – а такая вероятность весьма велика в подобной среде. И мне кажется, что в этой самой среде бизнес-школ наши коллеги ведут весьма серьезную работу. Однако отрицательная сторона заключается в сужении экономсоциологической перспективы – по крайней мере, на уровне тенденции (это, конечно, не универсальная тенденция, и здесь возможны исключения). Исследователи принимаются детально изучать сетевые отношения между фирмами, не уделяя достаточного внимания анализу более широкого контекста [environment], в котором расположены эти фирмы. И это становится своего рода...

- Простите, Вы имеете в виду социологические исследования организаций или же социологию, которая развивается в бизнес-школах?

- И то, и другое. Я имею в виду и социологов, исследующих организации, и социологов из бизнес-школ.

- И много социологов работает в бизнес-школах?

- Да, довольно много. По крайней мере, достаточно много тех, кто нашел работу в среде бизнес-школ [business school setting]. Я не особенно слежу за этой литературой,

но экологическая теория организаций являет собой пример бурного развития в среде бизнес-школ со всеми ловушками, неизбежно подстерегающими позитивистскую социальную науку. Знаете, можно дать этот вопрос на рассмотрение комитету экономистов, и они не согласятся с моим выводом. Но мне кажется, здесь появляется нечто общее – в способе построения модели, прогнозов относительно выживания фирмы, стоимости [value] и т.д. И я полагаю, что перед нами пример того, как сужается круг вопросов, и это общая тенденция для данной среды. Но опять-таки хочу повторить: в этом есть и плохое, и хорошее. В частности, в бизнес-школах экономсоциологи вовлечены в реальную деятельность, наблюдая работу бизнесменов. А это весьма полезно для анализа. Так что, как мне кажется, прежде всего следует подчеркнуть деление на микро- и макро-

- *Вы прежде говорили, что современная экономическая социология недооценивает макроуровневые подходы.*

- Да, и знаете, проблема в том, что после того, как великие теории [grand narratives] утратили свое былое влияние – как, например, теория Маркса или Парсонса – у нас практически не осталось макросхем, на которых можно было бы строить свои рассуждения. В результате экономическая социология вынуждена сосредотачиваться на микроуровне, участвовать в этой идущей ныне дискуссии по поводу индивидуального действия, рационально ли оно...

- *О локальных порядках [local orders]...*

- Верно. И мне кажется, что ценность идущей от Поланьи традиции – в том, что она удерживает наше внимание на отношениях между государствами, на структуре и экономике. Когда правила игры, на основе которых организована мировая экономика, рассматриваются на глобальном уровне, Вы рассматриваете то, как политика и культура структурируют эти отношения.

- *А могли бы Вы назвать наиболее важные события в экономической социологии за последние два-три года? Я имею в виду книги, статьи, конференции и пр. Что Вам показалось примечательным, может быть, необычным, выступающим из общего ряда? Или, может быть, было что-то, ставшее своего рода переломным моментом или обещающее стать таковым?*

- Думаю, среди таких событий – азиатский кризис 1997-1998 гг., а также кризис в России, трудности, возникшие в Бразилии. Эти события кажутся мне чрезвычайно важным переломным моментом для более широкого понимания проблем организации глобальной экономики с точки зрения неоллиберализма. И я думаю, что реакция США на эти события наглядно демонстрирует раскол между сознанием элиты и сознанием большинства. Об этом говорил Джозеф Стиглиц, я имею в виду его публичное заявление...

- *Об отходе от Вашингтонского консенсуса?*

- Да. Мне кажется, что это очень важный момент. Т.е. отчасти здесь отражены более общие вещи, происходящие в рамках экономической теории. Так что это не просто мнение Стиглица, но и мнение людей, которые по всем своим убеждениям принадлежали к основному течению [mainstream], ратуя за свободное движение капитала в международной экономике...

- *Вы знаете, эта статья Стиглица была сразу же переведена и опубликована в России. Но возвращаясь к собственно экономической социологии – были какие-то заметные*

книги, статьи за последние годы? Что бы Вы порекомендовали студентам в качестве своего рода прорывной работы, открывающей новую перспективу?

- За последние пару лет...

- Ну, допустим, за три-пять лет.

- Не могу сразу сообразить... Важные работы за последние пять лет... Может быть, подскажите мне что-нибудь для начала?

- Это действительно не простой вопрос – мы все знаем о классике, а вот современные работы выделить сложнее...

- Дайте-ка подумать. Наверное, если говорить о том, что сделано за последние три-пять лет, то стоит назвать книгу Питера Эванса об укорененной автономии [embedded autonomy]⁸. Я назвал бы ее одной из основных работ именно потому, что в ней по-новому очерчивается отношение государства к экономическому развитию. И, думаю, это помогает выстроить важное направление работы, которое начинается с разрешения искусственного дуализма по поводу того, является ли государство однозначно хищническим [predatory] по отношению к экономике, или же оно абсолютно рационально и служит во благо людям. С определения условий, при которых связи между государством и экономикой обоюдовыгодны и плодотворны, и т.д. Проблема этих связей является частью более общей дискуссии по поводу отношений между формальным и неформальным, здесь предпринимаются попытки ответить на вопрос о том, какие способы деформализации более или менее продуктивны в своем выборе множества путей артикулировать формальное и неформальное, с тем, чтобы те в свою очередь породили функциональный эквивалент...

- А, например, если взять «Американский социологический журнал» [American Journal of Sociology] – в нем постоянно публикуются разные статьи, относящиеся к нашей теме. Может быть, что-то показалось Вам особенным?

- Что бы меня особенно заинтересовало? Ну, это случается довольно часто. Но сейчас я едва ли сразу на память назову то, что мне показалось особенно интересным. Проблема, думаю, здесь заключается в том, что природа действительно значимых работ такова, что только через какое-то время – и немалое – понимаешь, важны они или нет.

- А Вы рекомендуете студентам какие-то новые работы или, как правило, ждете, пока пройдет некоторое время?

- Как правило, я что-то рекомендую по прошествии трех-четырёх лет. Но, думаю, иногда я для пробы даю какие-то материалы, если вижу, что, вроде бы, это что-то достойное. Впрочем, я здесь отнюдь не конечная инстанция, чтобы решать...

- И, наконец, мой последний вопрос: какие области Вы считаете наиболее перспективными? Например, если бы перед Вами сидел молодой аспирант, что бы Вы ему посоветовали?

- Здесь можно назвать пару вещей, которые я упоминал во время нашего заседания. Одна из них – критический анализ реконструирования экономического измерения. Это чрезвычайно важная проблема, не достаточно разработанная в качестве самостоятельной области знания. Экономическая статистика во многом является способом конструирования социальной реальности. В каждом из видов статистики

⁸ Evans, Peter. *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1995.

существует целый ряд методологических альтернатив, которые влияют на окончательный результат. Это одна из областей, где еще предстоит огромная работа, – в силу изначального несоответствия статистики и возможностей генерирования новых групп социальных фактов путем конструирования...

- Вы хотите сказать, что социологам следует изучать тот же регрессионный анализ, но использовать при этом другие группы переменных?

- Думаю, не так уж и плохо быть методологически подкованным – хотя я и не особенно в этом силен. Однако в случае с этой статистикой дело даже не в самих регрессионных моделях, а том, как сочетать их между собой, как анализировать их совокупные результаты. Это касается и основ того, как рассчитывать национальные счета [national income accounts]. В большинстве случаев основа расчетов – физический капитал, в то время как инвестиции, формы подготовки и так называемый человеческий капитал выпадают из поля зрения. Однако есть все основания полагать, что экономические процессы присутствуют в этих формах инвестиций даже в более значительной степени. Так что в результате мы получаем искаженное представление, которое ограничивается одним и тем же набором категорий. Таким образом, для того, чтобы играть в конструирование новых измерений, может быть, стоит задуматься о категориях и более серьезно подойти к методологии. Мне это кажется важным. Иными словами, стоит просто взглянуть со стороны и понять, что эти измерения неадекватны, – и придется с этим согласиться. Я не говорю, что это окончательное решение проблемы. Но это серьезный шаг вперед, позволяющий нам лучше понять существующие компромиссы [trade-offs]. Я говорил об этом, например, в работе «Постиндустриальные возможности».

- Вы коснулись методологического подхода. А какие перспективные темы Вы бы назвали?

- Вторая потенциально перспективная тема – и я также говорил об этом на заседании – это финансовая социология [finance sociology]. Изучая то, каким образом хозяйственная деятельность финансируется из частных или общественных фондов, мы сумеем понять, как различные акторы мобилизуют разные объемы ресурсов. И, знаете, во многом это будет так, как говорил один из немцев: бюджет – это своего рода скелет государства. Мне кажется, мы могли бы начать выстраивать социологию финансов, которая являлась бы таким «скелетом» для более общей структуры экономики и включала бы также динамический элемент – когда мы могли бы распределять предприятия во времени в зависимости от того, как различные виды деятельности финансируются или не финансируются. Это было бы способом вновь ввести в анализ макроструктуру и при этом не вернуться к старым ограниченным схемам...

- Но ведь помимо финансов государства есть еще финансы корпораций, финансы домохозяйств...

- Да, так, и я думаю, что сюда войдут все эти элементы. Это должна быть достаточно общая схема. Например, у нас в США есть мощные институциональные инвесторы, и исследователи пытаются их анализировать на предмет того, как сбережения перетекают от домохозяйств и превращаются в финансовые инвестиции, и наоборот. И опять-таки я думаю, что не стоит это оставлять одним только экономистам, можно использовать это как исходную точку для построения упомянутых моделей-«скелетов». Но вообще-то я стараюсь никому ничего не навязывать, не подталкивать аспирантов к той или иной области...

- Но все-таки у них возникают подобные вопросы. И они идут с ними к Вам...

- Да. И на самом деле я не могу с легкостью предложить им ряд проблем, которые однозначно важны. Думаю, что решающую роль здесь играет вопрос, поднятый на сегодняшнем заседании: исследование моментов трансформации институциональных правил, которые наполняют ту или иную сферу экономической деятельности. Глубокое исследование таких переходных моментов всегда является полезным и результативным занятием. Т.е. если мы изучаем изменения, необходимо понять эти процессы на более глубоком уровне, изучить не только частные случаи фундаментальных кризисов – таких, как кризис 1930-х, кризис 1989-1991 гг. – это крайние случаи, и они не смогут дать нам адекватных инструментов для анализа динамики изменений мирового порядка.

Выборочная библиография работ Фреда Блока

Block, Fred L. Introduction, in: Polanyi K. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press, 2001 (1944). P. XVIII-XXXVIII.

-- *The Vampire State and Other Myths and Fallacies about the U.S Economy*. New York: New Press, W.W. Norton & Company, Inc., 1996.

-- The Role of the State in the Economy, in: Smelser N., Swedberg R. (eds.) *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, Princeton University Press, 1994. P. 691-710.

-- *Postindustrial Possibilities: A Critique of Economic Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1990.

-- Political Choice and the Multiple “Logics” of Capital, in: Zukin, Sharon and Paul DiMaggio (eds.). *The Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*. New York: Cambridge University Press. 1990. P. 293-310.

-- et al. *The Mean Season: The Attack on the Welfare State*. New York: Pantheon Books, 1987.

-- *Revising State Theory: Essays in Politics and Postindustrialism*. Philadelphia: Temple University Press, 1987.

■ *The Origins of International Economic Disorder: A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present*. Berkeley: University of California Press, 1977.

■